

Дети страха

В День памяти жертв политических репрессий в Новокузнецке был торжественно открыт памятник тем, кому сталинизм сломал жизнь.

Торжественность момента только подчеркивал промозглый ветер с редким снегом, от которого в лицах присутствовавших появлялась особая печаль и строгость - такое время, мрачная осень, канун долгих холодов.

Выступавшие представители власти не преминули отметить, что и место для памятника предоставлено хорошее - через дорогу от бывшего клуба строителей. С одной стороны, практически самый центр. С другой - довольно тихий, располагающий к покою сквер вдоль Абы. Если уж братья за совсем далекие ассоциации, то рядом здание Центрального районного суда, и камень-памятник - как немое напоминающее о том времени произвола и о том, как недалеко - во временном отношении - мы от него ушли...

А если бы еще чуть облагородить берег Абушки да скамейки в сквере расставить (надеемся, это будет весной), то и сквер, и памятник стали бы настоящим местом поминовения близких, потерянных в те десятилетия.

Сорок пять тысяч кузбассовцев официально считаются реабилитированными. Только на КМК работало три тысячи тех, кого мы сегодня называем жертвами репрессий. А сколько в действительности насчитывается в нашем крае репрессированных, не знает точно никто. И сколько родственников погибших не имеют ни малейшего представления, где искать родные могилы и есть ли они вообще... Как рассказала сотрудник краеведческого музея Людмила Фойгт, многие годы люди приходили «с пирожками» в музей, чтобы помянуть родных. Теперь есть памятник, у подножия которого можно поставить свечу. Хотя и музей, где собраны потом и кровью добытые материалы о репрессированных, всегда остается для них открытым.

В самом деле, любая информация о людях, сгинувших в лихолетье, добывается громадным трудом. Больше десяти лет в городе работает общественная комиссия по установлению прав репрессированных. Председатель Новокузнецкой ассоциации жертв политических репрессий Владимир Абрамычев и его помощники с упорством, заслуживающим безусловного уважения, собирают вокруг себя этих людей, бьются за их права, ищут новые сведения. Те же работники музея проделали серьезнейшую работу по поиску материалов. А белых или, точнее сказать, черных пятен той нашей



советской истории хватит еще не на одно поколение историков. которым будет еще труднее: свидетели сталинской поры уходят.

Поразил рассказ пожилой женщины, родителей которой в тридцатые сослали в наши края как кулаков (лошадь и корову имели при семье с пятью детьми). В тридцать седьмом зимней ночью подняли с постели брата... Расстреляли его в ту же ночь, но семья узнала об этом только в пятьдесят шестом. Сестра, оплакивая брата, не могла рассказать о своей горе ни коллегам, ни знакомым: как же, родственница «врага народа»? Невозможность открыто горевать по близкому человеку - есть что хуже?

Те, кому в конце тридцатых было восемь-десять лет, у памятника вспоминали, как оборванные, голодные спецпереселенцы тянулись с кирзавода, со строек, подгоняемые комдантатами. Наш город рос на плечах и костях спецпереселенцев. А их детей не принимали ни в пионеры, ни в комсомол. Прожив больше полвека, повзрослевшие и постаревшие дети пережитого чувства ущербности не забыли.

...Памятник дался нелегко - семь лет хождения по инстанциям и собирания денег. В буквальном смысле по копейке: люди приносили и по десять-пятнадцать рублей. После того, как сняли белое покрывало, председатель Новокузнецкой ассоциации жертв политических репрессий во всеулышание заявил, что мемориальная доска на камне намертво прикручена болтами и приклеена суперклеем. Для защиты от вандалов, которые не знают, что исторические эпохи имеют склонность повторяться.

**Марина Серова.
Валентин Волченков (фото).**